

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: от Маньчжурского инцидента к Китайскому инциденту

В. Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских аналитиков и журналистов на новый этап японской экспансии в Китае, известный как Маньчжурский инцидент, и на изменение баланса сил в регионе в результате создания там государства-сателлита Маньчжоу-го под полным японским контролем. Лига Наций и правительства почти всех великих держав осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, но французские аналитики, озабоченные сохранением и укреплением позиций Франции в Индокитае, рассматривали аргументы обеих сторон в соответствии со своей политической позицией. Бывший юридический советник национальных правительств Китая профессор Жан Эскарра просто игнорировал новое государство. Юридический советник японского посольства во Франции доктор права Жан Рэй назвал Маньчжоу-го «опытом, достойным осуществления и содействия». Доктор права А. Р. Тюлье считал создание Маньчжоу-го легитимным и совместимым с Договором девяти держав 1922 г. Известная как критик милитаризма и колониализма «королева большого репортажа» Андре Виолли (1870–1950), побывавшая в Китае и в Японии, в книгах «Шанхай и судьба Китая» (1933) и «Япония и ее империя» (1933) рассматривала расширение японской экспансии в Китае как проявление «фашистских» (радикально-националистических и консервативно-революционных) тенденций внутри самой Японии, а в книге «Интимная Япония» (1934) саркастически описала старания японцев выглядеть «по-европейски». Журналист Морис Лашен (1909–1977) посетил Японию, Корею и Маньчжоу-го и встретился с информированными и влиятельными лицами, что позволило ему разносторонне показать и весьма объективно проанализировать ситуацию в соответствии с традициями «большого репортажа» в книге «Япония

1934» (1934). Секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Роже Леви (1887–1975) получил признание как эксперт по ситуации на Дальнем Востоке благодаря серии работ, отличающейся «равноудаленным» взглядом на японо-китайский конфликт. Изучение восприятия континентальной политики Японии во Франции не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но и позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Маньчжоу-го, Китай, журналистика, экспансия, протекторат, безопасность

Автор: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку, Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1 G-210.

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID 0000-0001-5892-0473.

Continental Policy of Japan as Seen from France: From Manchurian Incident to China Incident

V. E. Molodyakov

Abstract: This article analyzes the responses of French analysts and journalists to a then new phase of Japanese expansion into China known as the Manchurian Incident and to a new balance of power after the establishment of the puppet-state Manchukuo under the total control of Japan. The League of Nations as well as the governments of almost all Great Powers condemned Japan's action as aggression and violation of international law, but French analysts, first of all thinking about preserving and strengthening the country's position in French Indochina, discussed the arguments of both sides according to their own political positions. A former legal advisor to several Chinese national governments Professor Jean Escarra simply ignored Manchukuo's existence. Legal advisor of the Japanese embassy in Paris, Doctor of Law Jean Ray called Manchukuo "an experience worth being attempted and helped". Doctor of Law A.R. Tullie viewed Manchukuo's

establishment as fully legal and according to the Nine Powers Treaty of 1922. Known for her critical attitude to militarism and colonialism, the “queen of great reportage” Andree Viollis (1870–1950) in her books *Shanghai and China's Destiny* (1933) and *Japan and Her Empire* (1933), written after visiting China and Japan, considered the broadening of the Japanese expansion into China as a manifestation of “fascist” (radical Nationalist and conservative-revolutionary) tendencies inside the country and also gave a sarcastic description of Japanese attempts to look like Europeans in her book *Intimate Japan* (1934). Journalist Maurice Lachin (1909–1977) visited Japan, Korea, and Manchukuo, talked to well-informed and influential people and was able to produce a full-scale panorama of the current situation with quite objective analysis according to the traditions of the “great reportage” in his book *Japan 1934* (1934). Secretary of the Committee for Pacific Problems Study Roger Levy (1887–1975) became highly valued as a good expert on the Far Eastern situation after a series of works with an “equidistant” view of the Sino-Japanese conflict. A study of French opinion and response to the Japanese continental policy will enrich our knowledge of this period and will help us to understand better its political philosophy as well as the working of the propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, Manchukuo, China, journalism, expansion, protectorate, security.

Author: *Molodyakov Vasily E.*, LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Leading Researcher. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473.

E-mail: dottore68@mail.ru

Провозглашение 1 марта 1932 г. независимого государства Маньчжоу-го на территориях «трех восточных провинций» (Фэнтянь, Гириин, Хэйлунцзян), оккупированных Квантунской армией осенью и зимой 1931/32 г., означало новый этап японской экспансии, выходящий за пределы традиционного раздела сфер влияния, и попытку закрепить изменившийся баланс сил в регионе. Как и раньше, «здесь сыграл свою роль присущий военным способ мышления, когда силовое воздействие рассматривается как наиболее естественный способ разрешения конфликтов» [Мещеряков 2006, с. 702]. Это стало актом открытого противостояния «доктрине Стимсона» — позиции США, изложенной в ноте госсекретаря Генри Стимсона от 7 января 1932 г. — о непризнании территориальных изменений в Маньчжурии

в результате применения силы и «установления какого бы то ни было статуса де-факто», «включая договоры и соглашения, касающиеся суверенитета, независимости либо административной или территориальной целостности Китая» [Стимсон 1938, с. 66]. Позицию США поддержали Великобритания, Франция и большинство стран — членов Лиги Наций.

Французская реакция на создание государства Маньчжоу-го

Последствия Маньчжурского инцидента, как назывались в Японии эти события (подчеркивалось, что речь не идет о войне с Китаем!), повлияли не только на участников и их ближайших соседей, но и на «великие державы». Ситуация в регионе изменилась необратимо, хотя стратегический масштаб случившегося оценили не все. Реакция политического и общественного мнения Франции оставалась дифференцированной и отражала наличие не только антияпонских, но и нейтральных, а также умеренно прояпонских тенденций.

Создание Маньчжоу-го мотивировалось существованием движения за независимость Маньчжурии и ссылкой на принцип права наций на самоопределение, введенный в международный обиход в 1918 г. президентом США Вудро Вильсоном и ставший одним из краеугольных камней послевоенного миропорядка. Уже 27 сентября 1931 г., через девять дней после оккупации Мукдена Квантунской армией, японское телеграфное агентство Рэнго сообщило о создании в этом городе комитета, готовящего объявление независимости Маньчжурии. Двадцать пятого февраля 1932 г. мэр Мукдена известил журналистов о скором провозглашении государства Маньчжоу-го во главе с регентом и со столицей в Чанчуне, о его пятицветном флаге и значении каждого из цветов, о названии эры правления. Восьмого марта последний император цинского Китая Пу И, согласившийся стать регентом Маньчжоу-го, прибыл в Чанчунь и на следующий день в ходе торжественной церемонии, проходившей под контролем японских военных, официально принял пост. Одиннадцатого марта были провозглашены временная конституция Маньчжоу-го и декларация прав его граждан. Двенадцатого марта страны, представленные консульствами на территории Маньчжурии, получили извещение о создании нового государства, разорвавшего дипломатические отношения

с Китаем, и приглашение вступить с ним в дипломатические отношения. Маньчжоу-го объявило о принятии на себя прежних обязательств Китайской республики на данной территории и обещало следовать принципу «открытых дверей» [Lévy 1932, pp. 181–186].

Маньчжоу-го имело необходимые формальные атрибуты независимого государства, но с самого начала полностью контролировалось Японией, хотя та не сразу признала его, стремясь создать прецедент его признания другой страной. Первой это сделала центральноамериканская республика Сан-Сальвадор, явно не без «помощи» Токио. Центральное правительство в Нанкине протестовало против создания «марионеточного государства», каковое определение закрепилось за Маньчжоу-го у тех, кто отказывался признать его. Но даже не признавая новое государство де-юре, игнорировать факт его существования было трудно. Оценкам Маньчжоу-го в работах французских аналитиков автор посвятил отдельную статью [Молодяков 2020], поэтому лишь обозначу основные точки зрения.

Позицию демонстративного игнорирования занял профессор Сорбонны Жан Эскарра, в прошлом юридический советник китайского правительства: он если и употреблял термины «маньчжоугоское правительство» и «маньчжоугоская армия», то исключительно в кавычках. Его оппонент, доктор права Жан Рэй, советник японского посольства в Париже (а ранее — МИД Японии), заявил: «Японцы действительно хотят <...> создать в Маньчжурии что-то новое, создать систему сотрудничества с местным населением. Как реализуется это сотрудничество? Будущее покажет. <...> Японские администраторы в Маньчжурии намерены осуществить масштабное экономическое развитие страны. <...> Мы присутствуем при опыте, достойном осуществления и содействия» [Escarra 1933, pp. 249–255]. Доктор права А. Р. Тюлье считал создание Маньчжоу-го легитимным и совместимым с Договором девяти держав 1922 г. (конкретные аргументы он заимствовал из книги Э. де Вевра «Признание де-юре регентства Маньчжурии и Договор девяти держав» [Vèvre 1932]), а потому призвал признать его де-юре [Tullié <1935>, pp. 340–343]. Подробно эту «дуэль юристов» автор рассмотрел в отдельной статье [Молодяков 2019].

«Королева репортажа» Андре Виолли и японская политика в Китае

Теоретические споры правоведов занимали умы лишь «активной фракции» общества. Обычные французы, интересовавшиеся международной политикой, не принимали ни одну из сторон в конфликте, который их прямо не затрагивал, но хотели получить подробный рассказ с места событий. Они ждали «большого репортажа» (*le grand reportage*) — серии ежедневных или еженедельных статей известного автора. «Большой репортер» подчинялся только главному редактору газеты или журнала и был свободен в мнениях и оценках, отвечая за них своей подписью и репутацией. «Если репортаж был полностью субъективным жанром журналистики, где присутствовала личность репортера, последний должен был оставаться нейтральным и беспристрастным, по крайней мере в изданиях без четко заявленной политической ориентации. Он обязался соблюдать негласный договор с публикой о честной передаче ей правдивой информации» [Jeandel 2006, p. 83].

На Дальний Восток отправилась Андре Виолли (1870–1950; в старых переводах: Виоллис/Виолис), известная в 1920–1940-е годы, но забытая после смерти. Урожденная Андре де ла Веррьер, она использовала псевдоним мужа Жана Виолли (Жан-Анри д'Ардьен де Тизак), прозаика и специалиста по китайскому искусству, вместе с которым написала несколько книг. Смолоду причастная журналистике, она пришла в мир «большого репортажа» на шестом десятке и за несколько лет стала его «королевой» благодаря книгам «Одна в России: от Балтики до Каспия» (1927), «Эльзас и Лотарингия поверх страстей» (1928), «Буря над Афганистаном» (1930) и «Индия против англичан» (1930). «Образцовый репортер в смысле соблюдения правил профессии» [Jeandel 2006, p. 208], Виолли не скрывала принадлежности к левым (ее дочь Симона Тери была коммунисткой) и выступала против колониализма, милитаризма и «фашизма» (понимаемого как антикоммунизм). При этом она не упускала из виду интересы и престиж Франции. В 1931 г. министр колоний Поль Рейно поручил ей поездку в Индокитай для выяснения реального положения дел, считая, что администрация скрывает его. Итогом стала книга «Индо-китай S.O.S.», изданная четыре года спустя с предисловием Андре Мальро. Виолли критиковала французскую политику, но мягче,

нежели британскую в Индии. «В больших репортажах она рассматривала проблемы в европейской перспективе. Колониальные проблемы требовалось решить не только потому, что колонизация в том виде, в каком она проводилась, влекла за собой несправедливость и нищету, но и потому, что без ответных мер со стороны великих держав те могли в итоге потерять свои колонии» [Jeandel 2006, p. 141].

Напряженность на Дальнем Востоке осенью 1931 г. не ограничивалась Маньчжурией, поэтому *Le Petit Parisien*, одна из крупнейших газет мира, гордившаяся полуторамиллионным тиражом, отправила Виолли в Китай. Статьи, печатавшиеся там с 23 декабря 1931 г. по 13 марта 1932 г., составили книгу «Шанхай и судьба Китая» (1933), в которой журналистка «явно приняла китайскую сторону» [Jeandel 2006, p. 112]. Ее открывает обширное (около четверти общего объема!) введение публициста Анри Ропера (1893–1955) — очерк событий в Китае от Синьхайской революции до японской оккупации Маньчжурии, выдержанный в прогоминьдановском духе. Ропер, критик колониализма и друг Мальро, объявил Японию агрессором, посетовал на нейтральную позицию «великих держав» перед лицом агрессии и назвал Маньчжурию «провинцией, которую обособленной от Китая считает только парижская большая пресса» [Viollis 1933a, pp. 9, 18].

Из Ханоя через Хайфон и Гонконг Виолли приехала в Кантон, «колыбель китайской революции», оттуда в столицу Нанкин и наконец в Шанхай. В первых главах доминируют описания экзотических красот, но уже здесь подчеркивается мысль, что «национальное единство [Китая], над которым улыбаются в Европе, — не миф». В этом были едины ее собеседники — молодой китайский интеллектуал и француз, «проживший в Китае четверть века и отлично говорящий по-китайски» [Viollis 1933a, pp. 71–72, 96–97]. Отметив, что «японская агрессия в Маньчжурии укрепила союз» различных политических сил Китая, Виолли задалась вопросом, насколько он прочен и долговечен с учетом очередного обострения борьбы за власть в руководстве Гоминьдана [Viollis 1933a, pp. 111–112]. В Нанкине она застала правительство в состоянии, близком к распаду, из-за отсутствия единой позиции в отношении Японии. «Министрам лучше прийти к согласию, и поскорее, иначе народ им не простит», — решительно заявил ей молодой чиновник МИД, но гостя «знала по опыту, что китайцы больше говорят, чем делают» [Viollis 1933a, pp. 123–124, 121].

Виолли стала свидетельницей «шанхайской обороны» (конец января — февраль 1932 г.) — боев между японскими экспедиционными войсками и китайской 19-й армией при активной поддержке местного населения, которые последовали за японским ультиматумом 27 января, вызвавшим всплеск антииностранных, а не только антияпонских настроений [Viollis 1933a, pp. 120–121, 130–131], — и живо описала ее. События хорошо известны, поэтому остановимся на оценках автора. «Это война, увы, и какая война! Между народами, раса которых исключает жалость и ожесточает ненависть. Пока представители всех цивилизованных стран за столом с зеленым сукном спокойно обсуждают мир и разоружение, здесь сотня тысяч человек убивает друг друга», — горько заметила она, добавив: «Японцы или китайцы, не так важно. <...> Неужели европейцы окажутся равнодушными к их страданиям только потому, что они далеко, что их многие сотни миллионов, что цвет их кожи отличается от нашей» [Viollis 1933a, pp. 185–186, 191–192]. Признавая, что «желтая раса жестока» и «что китайцы тоже способны на зверства», Виолли решительно приняла их сторону, потому что «они у себя дома. На их землю вторглись, и они защищают каждую пядь» [Viollis 1933a, p. 191].

Отдав должное решимости шанхайского мэра У Течэна, который ради спасения сограждан принял японские требования с риском быть объявленным предателем, и «удивившему весь мир» боевому духу китайских солдат, Виолли возложила ответственность на «слишком пассивное и непонятное поведение» китайского правительства и на командующего японским экспедиционным флотом контр-адмирала Сиодзаву Коити, который собственной властью выдвинул «драконовский ультиматум» и приказал произвести авиаудар по Чжабею, унесший жизни многих тысяч мирных жителей (журналистка побывала в «мертвом городе» после перемирия). «Это ясное доказательство преобладания военной власти над гражданской, которое, как говорят, является законом в Японии», — заключила она [Viollis 1933a, pp. 148–150].

«Большой репортаж» требовал не только зарисовок с места событий, но и высказываний «авторитетов». Японский генеральный консул Мураи Курамацу, «весь почтительность и улыбчивость», повторял привычный аргумент о «законной самозащите», но явно не контролировал ситуацию [Viollis 1933a, pp. 145–147]. Китайскую сторону представлял хорошо известный на Западе Чэнь Южэнь, он же Юджин

Чэнь, бывший министр иностранных дел и ярый противник Японии, которая, по его словам, «бросила вызов не только Китаю, но цивилизованному миру» [Viollis 1933a, pp. 165–166]. Ветеран китайской дипломатии заявил, что Япония «глумится над мировым общественным мнением», а ее «правлящий военный класс слепо верит в силу и только в силу», поэтому единственной надеждой может быть «сотрудничество Америки и Англии с целью заставить Японию уважать справедливость и международное право»; Францию он сбрасывал со счетов как «не имеющую никаких интересов в Китае» [Viollis 1933a, pp. 169–170]. Известно, что одним из оправданий японской экспансии служила перенаселенность метрополии. Многие считали ее лишь предлогом, но Чэнь Южэнь назвал ситуацию «катастрофой» и предрек распространение экспансии в сторону «Австралии с ее обширными пустынными территориями», поскольку «ни Корея, ни Маньчжурия не подходят японцам для жизни из-за климата», а «Китай слишком населен, чтобы принимать новоприбывших» [Viollis 1933a, pp. 168–169].

Отметив, что кризис разрешился «ни победой, ни поражением», но «лишь окончанием боевых действий, что удовлетворило японскую сторону», Виолли констатировала, что местные «белые» «потеряли веру в непобедимую японскую армию» [Viollis 1933a, pp. 194, 240]. Из Шанхая она отправилась в Японию с целью «на месте изучить реакцию на события в Маньчжурии и Шанхае, найти причины противоречий, столь часто возникающих между указаниями токийского правительства и действиями командования армии и флота. <...> Понять, как этот народ <...> вдруг превратился в агрессора, презревшего договоры и соглашения, которые помогал составлять и подписывал, почему он, кажется, захотел бросить вызов Лиге Наций и цивилизованному миру» [Viollis 1933a, p. 246].

Андре Виолли о «фашизации» Японии

В Японии Виолли провела весну и лето 1932 г. В книге «Япония и ее империя» (1933) она уделила главное внимание внутренним проблемам, а именно националистическому консервативно-революционному движению [Молодяков 1999], «мощному движению, которое пока можно назвать фашистским за неимением иного слова» [Viollis 1933b, p. 51]. Интерес к нему в Европе возрос после путча «молодых офицеров» 15 мая 1932 г. в Токио. Несмотря на провал, он показал

не только остроту политических, экономических, социальных и идейных «болезней», но и возможность их «лечения» с помощью праворадикальных средств. «Мы движемся по пути к фашизму и, возможно, находимся накануне военной диктатуры», — заявил ей некий либеральный профессор [Viollis 1933b, p. 36].

Расширение японской экспансии на континенте Виолли рассматривала как проявление крепнущих «фашистских» тенденций внутри страны. Носителем этих тенденций она считала военные круги, особенно среднее и старшее офицерство, и националистические организации, действующие или стремящиеся действовать заодно с ними. «Престиж Японии в Маньчжурии и Монголии падает тогда, когда слабеют стойкость и отважная энергия японского народа, — заявил военный министр генерал Минами Дзиро 5 августа 1931 г., выступая перед командирами дивизий. — Каждый японский солдат должен помнить о важности маньчжурской проблемы и вернее, чем когда-либо, выполнять свой воинский долг» [Viollis 1933b, p. 62]. Его преемник на посту министра генерал Араки Садао, считавшийся идеологом экспансии и внутренних преобразований в «фашистском» духе, если не будущим диктатором, прямо сказал госте: «Мы тридцать пять лет сражались за Маньчжурию в двух войнах, где рекой лилась японская кровь. Маньчжурия ценна для нас не только в экономическом, но и в стратегическом отношении. Она является частью оборонительной системы Японии» [Viollis 1933b, p. 31]. «В японской армии нет ничего от “великой немой”» (так называли французскую армию в Третьей Республике. — В. М.), — подчеркнула она [Viollis 1933b, p. 166]. В последней главе Виолли отметила программную статью Араки «Задачи Японии в эру Сёва», опубликованную в августе 1932 г. в военном журнале *Кайкося* и посвященную в том числе «важности маньчжуро-монгольского вопроса»: «Никаких недомолвок: это военный министр обращается к своим офицерам» [Viollis 1933b, p. 256].

Правящим кругам не требовалось навязывать курс на континентальную экспансию. Напротив, уже не впервые «националистическая экзальтация внутри страны подталкивала к решительным действиям правительство» [Мещеряков 2006, с. 528]. Виолли убеждалась в этом, беседуя не только с министрами, генералами и депутатами, но и с теми, кто действовал «снизу», не всегда заметно, но эффективно. «Мы взяли и сохраним Маньчжурию для нашего народа, для храбрых людей, которые трудятся и страдают», — сказал ей молодой офицер

штаба Квантунской армии, один из «умных, энергичных, амбициозных» людей, не хотевших видеть Маньчжоу-го во власти банкиров и капиталистов, даже японских [Viollis 1933b, p. 66]. Хозяева *дзайбацу* «Мицуи» и «Мицубиси» и их конкуренты из «новых концернов» уже считали Маньчжоу-го своей вотчиной, столь же недвусмысленно заявляя: «Какovy бы ни были выводы комиссии Лиги Наций, мы никогда не откажемся от наших прав в Маньчжурии» [Viollis 1933b, p. 193]. «Хозяева момента» — офицеры из окружения Араки, «не забывая о своей роли пропагандистов», уверяли Виолли, что «настаивают на необходимости установить порядок и мир и защитить японских и корейских крестьян, жизнь и имущество которых находятся под угрозой» [Viollis 1933b, p. 99]. «Разве армия во всех странах, кроме СССР, не стоит на страже богатства и собственности?» — риторически недоумевала она, слушая антиплутократические речи «фашистов» в мундирах [Viollis 1933b, p. 104]. Офицеры вспомнили и о «советской угрозе». «Китай нас не беспокоит, но нам необходима Маньчжурия как средство защиты от агрессивной гегемонии Советов, — заявил один. — <...> Мы хотим остаться японцами. Мы не хотим международного большевизма». «Точно так же, как мы не хотим капитализма европейцев и янки», — добавил его сослуживец [Viollis 1933b, p. 100].

Экспансию поддерживали не только военные и ретронационалисты из «тайных обществ», с которыми Виолли тоже общалась, но и многие левые. «Я враг империалистических войн, — заявил ей политик и профсоюзный вожак Акамацу Кацумаро, один из основателей Коммунистической партии Японии, ставший национальным социалистом, — но я уверен, что Маньчжурия необходима для экономического будущего японских трудящихся. <...> Маньчжурский вопрос поднимает энтузиазм у самых угнетенных крестьян. <...> Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров; я верю в его искренность и убежден, что с его помощью мы создадим социалистическое государство, которое объединит Японию и Маньчжурию» [Viollis 1933b, p. 150]. «Во время событий в Маньчжурии нас было много таких, активистов социалистической молодежи, кто всем сердцем и душой чувствовал единство с новой армией», — подтвердил Мияма Икки, знакомый автора по Парижу, где он учился и вращался в кругах Социалистической партии [Viollis 1933b, p. 139]. «Без Маньчжурии нас ждет голод, — добавил он. — Для нас это вопрос жизни и смерти» [Viollis 1933b, pp. 250–251]. В отличие от

коммунистического движения, направлявшегося из Москвы, к которому власти были беспощадны (Виолли побывала на одном из заседаний суда над руководителями компартии), такой «социализм» был дозволен, хотя после 15 мая 1932 г. находился под подозрением. Расправа с радикальным крылом «национал-государственных социалистов» (*кокка сякайсюгися*) последует лишь за подавлением военного мятежа 26–29 февраля 1936 г.

По возвращении Виолли оказалась востребована как эксперт по Дальнему Востоку и призывала со всей серьезностью отнестись к «существованию японского фашизма и к угрозе, которую он несет миру во всем мире» [Jeandel 2006, p. 165]. Назвав «Японию и ее империю» в письме к Жану-Ришару Блоку своей «наименее плохой, наиболее документированной и наиболее правдивой» книгой, она заявила, что написала ее с целью «разрушить легенду о Японии как “стране порядка и оплоте цивилизации” и подчеркнуть опасность ее империализма» [Jeandel 2006, p. 123].

Вслед за этим Виолли выпустила книгу «Интимная Япония» (1934), коснувшись традиционных неполитических сюжетов: повседневная жизнь, еда, манеры, развлечения, образование, семейные отношения. К нашей теме она не имеет прямого касательства, но отметим два момента. Первый — саркастическое и не лишённое высокомерия описание попыток японцев выглядеть «по-европейски», будь то отель «Империал» [Viollis 1934, pp. 10–20], рестораны европейской кухни, где «японцы проходят первое посвящение в нож и вилку» и где «можно поесть без удовольствия, конечно, но и без явной опасности» [Viollis 1934, pp. 28–29, 57–60], «новый театр» (*сингэки*), где «актеры не понимают чувств, которые они должны воплощать» в западных пьесах [Viollis 1934, pp. 74–76]. Второй — стремление развенчать представления о «высокой морали» японцев, за которой скрываются коммерческая недобросовестность, сексуальная распущенность мужчин и дискриминация женщин (в этом феминистка Виолли видела и пережиток прошлого, и проявление «фашистских» тенденций) [Viollis 1934, pp. 125–139, 206–239], об изящных манерах [Viollis 1934, pp. 141–151], о чистоте, которая «не есть гигиена», ибо Токио недостаточно оборудован канализацией [Viollis 1934, pp. 153–160]. Невинные бытовые зарисовки подводили читателя к выводу, что, несмотря на все старания, японцы не являются и не могут являться носителями западной цивилизации, к чему они апеллировали в своей

колониальной и континентальной политике. Бегло отдав должное красотам природы и памятникам старины, «королева репортажа» завершила «Интимную Японию» вердиктом: «Фашизм царствует в Токио, как в Риме, в Берлине и в других местах: империалистический культ силы определяет все видимые противоречия японских нравов. Сейчас он представляет одну из самых опасных угроз для нашего мира» [Viollis 1934, p. 249]. Легко предположить, что японским официальным лицам ее книги не понравились: сарказм и насмешки «белых» те воспринимали не менее остро, чем предметную критику.

Морис Лашен о возможной эскалации дальневосточного конфликта

Известность Мориса Лашена (1909–1977) ограничивалась 1930-ми годами, но его книги выходили в знаменитом издательстве *Gallimard*. Он избрал стезю журналиста, видимо, не без помощи влиятельного критика Бенжамена Кремье, которому посвятил свою первую книгу «Япония 1934» [Lachin 1934]. За ней последовали «IV-я Италия» (1935), «Эфиопия и ее судьба» (1935) и «Капиталистический Китай» (1938). Лашен занимался журналистикой и в первые послевоенные годы, но дальше его следы теряются.

Лашен посетил Японию, Корею и Маньчжоу-го в августе—сентябре 1933 г. Несмотря на молодость (24 года) и малую известность (готовил дебютную книгу), он был принят влиятельными лицами, включая премьер-министра Сайто Макото, министра иностранных дел Хирота Коки, военного министра Араки, регента Пу И и командующего Квантунской армией генерала Хисикари Такаси. Однако «Япония 1934» — это не сборник высказываний нотаблей вперемешку со статистическими данными, как нередко бывало, но «большой репортаж» с эффектом присутствия на месте событий. Неизвестно, кто помогал Лашену (он бегло упомянул японских журналистов, работавших во Франции), но книга свидетельствует не только об энергии и предприимчивости автора, но и о его познаниях и компетентности, аналитических способностях и литературном таланте. Она пользовалась успехом у читателей, о чем свидетельствуют допечатки тиража и переводы на немецкий и нидерландский языки. В «черно-белой» оптике отсутствие критики в адрес одной стороны воспринималось как пропаганда в ее пользу, но считать книгу Лашена прояпонской

пропагандой нельзя. Косвенное доказательство — иронический тон многих страниц.

Применительно к континентальной политике Японии визитера особенно интересовали перспективы конфликта с Советским Союзом, с которым Францию связывал пакт о ненападении от 29 ноября 1932 г. Ареной возможного конфликта выступало Маньчжоу-го, особенно после публикации в «Правде» и «Известиях» 10 октября 1933 г. донесений Хисикари в МИД о возможных репрессиях против советских служащих КВЖД с целью давления на Москву в ходе переговоров о продаже советской доли в ней Маньчжоу-го. Официальный Токио дезавуировал документы как фальшивые, запретил публиковать их в японской печати и пригрозил прервать переговоры о покупке КВЖД. Москва не испугалась и не взяла сказанное обратно, но ответила еще более решительными комментариями, что вынудило японцев «сдать назад». «Любую угрозу Маньчжоу-го мы будем рассматривать как прямую угрозу Японии. Советы это отлично знают», — решительно заявил Лашену Араки [Lachin 1934, p. 46]. Хирота, бывший посол в СССР, высказался куда осторожнее: «Могу вас заверить, что наша страна желает лишь улучшения отношений с соседом, к которому не испытывает никаких враждебных чувств. Конечно, позиция России применительно к Маньчжоу-го, с которым нас связывает очень тесное сотрудничество, влияет на наши отношения с Советами. <...> Но я верю, что при наличии доброй воли со стороны России все имеющиеся вопросы могут быть решены ко взаимному удовлетворению обеих сторон» [Lachin 1934, p. 121]. «Будет ли завтра война между Японией и Россией?» — задался вопросом Лашен. И сам ответил: «Спросите советского гражданина, и он ответит: “Мы готовы к любому варианту”. Спросите японского военного, и он ответит: “Мы готовы к любому варианту”» [Lachin 1934, p. 122]. Анонимные японские собеседники говорили об относительной слабости Красной армии на Дальнем Востоке, но признали, что время работает на СССР [Lachin 1934, pp. 123–124]. Лашен также указал на ограниченность финансовых возможностей Японии, в том числе из-за крупных инвестиций в Маньчжоу-го, что делало проблематичным финансирование «большой войны» [Lachin 1934, pp. 142–148].

Реалии японской колониальной политики журналист наблюдал в Корее (ее восприятие иностранцами требует отдельного исследования), континентальной — в Маньчжоу-го. В первом случае он отме-

тил «решимость быстро преобразовать отсталую во всех отношениях страну в авангард промышленного прогресса» наряду с резкой критикой в адрес этой политики в самой Японии и за ее пределами, а также со взаимной острой неприязнью японцев и корейцев [Lachin 1934, pp. 195–196, 176–177, 186]. «Маньчжурская реальность», как автор озаглавил главу 15, ему скорее понравилась, хотя он прямо заявил, что настоящее нового государства полностью зависит от японской армии, обеспечивающей его безопасность (об армии Маньчжоу-го он писал со смесью иронии и скепсиса), а будущее — еще и от японских капиталовложений. «Пока Япония сильна, — констатировал Лашен, — Маньчжоу-го будет развиваться; но, если однажды [она] потеряет силу, существование Маньчжоу-го окажется под угрозой» [Lachin 1934, pp. 202–203]. События августа—сентября 1945 г. подтвердили его правоту. Пу И не уклонился от ответов на «острые» вопросы, но предсказуемо заявил, что согласился стать регентом лишь в силу «моральных обязательств перед бывшими подданными, которые попросили [его] снова занять трон [его] предков» и не намерен распространять свое влияние за пределы Маньчжурии, если только «китайский народ, которому надоело жить в анархии, не призывает [его] к власти» [Lachin 1934, pp. 208–210]. «Мы совершенно не намерены поощрять расширение Маньчжоу-го. Ошибочно видеть в его рождении первый этап военных операций более широкого масштаба», — уверял генерал Хисикари, оговорив при этом, что Япония «не может без тревоги смотреть на русских, устраивающих всяческие провокации на границах Маньчжурии» [Lachin 1934, pp. 210–211]. На вопрос, «не приведет ли нынешняя ситуация к конфликту с Россией», начальник штаба Квантунской армии генерал Койсо Куниаки, которого называли «крестным отцом» Маньчжоу-го, ответил: «Надеюсь, что не приведет, напротив, Маньчжоу-го станет фактором стабилизации и послужит укреплению мира, угроза которому действительно существует» [Lachin 1934, p. 220]. А что еще они могли публично заявить...

Признав возможность войны «между империализмом Нанкина и империализмом Токио» с учетом «анархии, царящей сегодня в Китае», Лашен сделал вывод: Япония «не мечтает о политическом завоевании Китая» и готова на союз с Чан Кайши, «но при условии: Нанкин должен как-то гарантировать экономическую экспансию Японии на китайский “континент”» [Lachin 1934, pp. 242–244]. Возможность советско-японской войны он также рассматривал в перспек-

тиве столкновения «двух империализмов», ни один из которых пока не силен настолько, чтобы быть уверенным в победе [Lachin 1934, pp. 244–246]. «Слово сегодня за правителями Токио, Вашингтона и Москвы, — заключил он. — Смогут ли они заклясть опасность, наличие которой невозможно отрицать?» [Lachin 1934, p. 249]. Дальнейшие действия Парижа и даже Лондона в регионе зависели от этих акторов.

Роже Леви и попытка равноудаленного взгляда на конфликт

Среди авторов, не ограничивавшихся анализом двустороннего конфликта, но связывавших его с интересами Франции, отметим Роже Леви (1887–1975), генерального секретаря Комитета по изучению тихоокеанских проблем, а ранее активиста Социалистической партии. В первой книге о дальневосточных событиях «Чья Маньчжурия?» (1932) он занял нейтральную — точнее, равноудаленную — позицию в споре; обширное документальное приложение было призвано подчеркнуть объективность автора. В книге для широкого читателя «Дальний Восток и Тихий океан» (1935) он рассматривал регион как арену взаимодействия великих держав, а потому включил разделы о Маньчжоу-го (которое сравнил с французскими протекторатами в Марокко, Тунисе, Аннаме и Камбодже [Lévy 1935, p. 95]), о Внутренней Монголии и Корее в главу о Японии, а разделы о Внешней Монголии (МНР) и Синцзяне — в главу «Русские успехи в Азии».

Анализируя экономическое присутствие Франции в регионе через Индокитай, где метрополия «выступает более как продавец, нежели как покупатель», Леви напомнил следующее: «Китай является первым клиентом Индокитая. Он один покупает больше индокитайских товаров, чем вся Французская империя¹. <...> Экономические отношения Индокитая с Японией прямо не затронуты ее растущей торговой экспансией. <...> Франция занимает лишь тринадцатое место среди клиентов Японии и десятое среди ее поставщиков» [Lévy 1935, pp. 167, 171]. Торговое соглашение 1932 г. с Японией, которому предшествовали 17 лет переговоров по тарифно-таможенным вопросам, аналитик назвал выгодным для Франции и для ее колонии, поскольку

¹ Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений, вне зависимости от их статуса.

оно сокращало японский импорт в интересах французских экспортеров [Lévy 1935, pp. 171–172]. Позицию своей страны в Китае он свел к «политике присутствия»: «Франция должна оставаться зрителем ожесточенной борьбы, которую великие державы ведут на китайской земле» [Lévy 1935, pp. 172, 175].

Следующие работы Леви о Дальнем Востоке, написанные в жанре объективистской исторической справки, вышли под грифом Центра по изучению иностранной политики (далее — Центр), который возглавлял знаменитый историк Себастьян Шарлети, бывший ректор Сорбонны. Эта неправительственная организация была создана в 1935 г. для «объективного изучения современных международных проблем» (текст на обложке всех ее изданий) и претендовала на роль ведущего национального think-tank, так что приглашение туда в качестве эксперта означало профессиональное признание.

Сотрудничество Леви с Центром началось с доклада «Последствия экономического развития Японии для Французской империи» (1936), подготовленного Комитетом по изучению тихоокеанских проблем во главе с профессором Сорбонны Альбером Деманжоном, членом правления Центра. Леви — генеральный секретарь комитета и его «рабочая лошадка» — был лишь одним из авторов, но взял на себя основной труд по редактированию доклада, содержащего обширные фактические данные, за что получил разрешение использовать его материалы в собственной книге «Дальний Восток и Тихий океан». В докладе рассмотрена торговля Японии со всеми французскими владениями и ее конкуренция с Францией на всех внешних рынках. Выводы по интересующей нас теме (японским колониям и Маньчжоу-го в докладе отведено мало места) в целом совпадают с приведенными выше оценками Леви [Les Conséquences 1936, pp. 97–109].

Ночная перестрелка 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) недалеко от Пекина стала началом войны, будущие масштабы которой тогда никто не предвидел. Кабинет Коноэ Фумимаро под давлением армии выбрал жесткий курс, перейдя от ультиматумов к наступлению по всему фронту. Двадцать восьмого июля был занят Пекин, 29 июля — Тяньцзинь, 6 августа — Нанькоу, к концу сентября — Внутренняя Монголия, 11 ноября после долгих боев пал Шанхай. Внимание аналитиков всего мира снова было приковано к Китаю.

Шестого ноября 1937 г. на заседании Академии моральных и политических наук Леви сделал доклад об истории и современности

японо-китайских отношений, что свидетельствовало и о важности проблемы для французской интеллектуальной элиты, и о статусе докладчика-эксперта. На его основе он подготовил небольшую по объему, насыщенную фактами, цифрами и цитатами книгу «Отношения Китая и Японии» (1938). Верный «равноудаленному» взгляду, Леви, по его собственному выражению, обозначил «реперные точки» истории отношений и подробно привел аргументы обеих сторон. Он цитировал и Хирота, и Чан Кайши, «предстающего за границей живым символом нации» [Lévy 1938, p. 117], с минимумом комментариев, но между прочим отметил: «Вопреки тому, как склонны считать в Европе, японская политика на протяжении последних лет *не всегда* определялась военными» [Lévy 1938, p. 53]. Заслуживают внимания его суждения о попытках режима Чан Кайши объединить и модернизировать страну при помощи извне. «Японская угроза остается главнейшим фактором объединения Китая. Ожесточая чувства, вторжение способствует созданию *сильного государства*, способного сохранить свою самостоятельность. В этом развитии, вдохновленном Западом, более политическом, чем экономическом, Китай и его правительство часто берут пример с методов Германии и Италии» [Lévy 1938, p. 73]. Оценивая перспективы сопротивления экспансии, Леви отметил: «В удивительном национальном порыве китайцы провозгласили сопротивление. Пренебрегая факторами собственной слабости, раздробленности и необеспеченности, они думают выиграть войну путем истощения врага, максимально используя протяженность линий его коммуникаций» [Lévy 1938, p. 123]. До взятия японцами Нанкина оставалось еще больше месяца.

Современный специалист едва ли обнаружит в работах Леви что-то новое, поэтому значение их в другом. Они показывают, что французская политическая и интеллектуальная элита 1930-х годов располагала подробной и объективной информацией о событиях на Дальнем Востоке, которой могла руководствоваться при выработке как собственной позиции, так и национальной политики. Работы Леви читали или могли читать дипломаты, депутаты, министры. Французская политика в регионе оставалась в поле зрения эксперта, рассматривавшего ее как в тактическом плане экономического взаимодействия и соперничества, так и в стратегическом плане «положения белых на Дальнем Востоке». Звучащая сегодня «неполиткорректно», такая трактовка была естественной для эпохи колониальных империй: «Можно

предвидеть, что победоносная Япония и побежденный Китай, или Япония и Китай, помирившиеся на основе непредвиденного компромисса, могут породить “блок”, коалицию желтых» [Lévy 1938, p. 123]. Восприятие японской экспансии политическим миром Франции, интеллектуальный фон ее дальневосточной политики в контексте борьбы идей и мнений в этом мире мы рассмотрим в дальнейших публикациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков 2006 — Мещеряков А. Н. *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис, 2006.

Молодяков 1999 — Молодяков В. Э. *Консервативная революция в Японии: идеология и политика*. Москва: Восточная литература, 1999.

Молодяков 2019 — Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов». *Япония. Ежегодник*. 2019. Т. 48. Москва: АИРО-XXI, 2019. С. 228–249.

Молодяков 2020 — Молодяков В. Э. Государство Маньчжоу-го глазами французских аналитиков: от «Маньчжурского инцидента» (1931) до «Китайского инцидента» (1937). *Уральское востоковедение. Ежегодник*. 2020. Т. 10. Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 55–65.

Стимсон 1938 — Стимсон Г. Л. *Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения*. Москва: Соцэкгиз, 1938.

Escarra 1933 — Escarra, J. *Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations. Ray J. La Position, l'Oeuvre et la Politique du Japon en Mandchourie*. Paris: Publications de la Conciliation Internationale, 1933.

Jeandel 2006 — Jeandel, A.-A. *Andrée Viollis: une Femme Grand Reporter, une Écriture de l'Événement 1927–1939*. Paris: L'Harmattan, 2006.

Lachin 1934 — Lachin, M. *Japon 1934*. Paris: Gallimard, 1934.

Les Conséquences 1936 — *Les Conséquences du Développement Économique du Japon pour l'Empire Français*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann, 1936.

Lévy 1932 — Lévy, R. *A qui la Mandchourie?* Paris: A. Pedone, 1932.

Lévy 1935 — Lévy, R. *Extreme-Orient et Pacifique*. Paris: Armand Coline, 1935.

Lévy 1938 — Lévy, R. *Relations de la Chine et du Japon*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann, 1938.

Tullié <1935> — Tullié, A. R. *La Mandchourie et le Conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Paris: Recueil Sirey, <1935>.

Vèvre 1932 — Vèvre, E. de. *La reconnaissance de jure de la régence de Mandchourie et le traité des neuf puissances*. Paris: Arthur Rousseau, 1932.

Viollis 1933a — Viollis, A. *Changhai et le Destin de la Chine*. Paris: Corrêa 1933.

Viollis 1933b — Viollis, A. *Le Japon et son Empire*. Paris: Grasset, 1933.

Viollis 1934 — Viollis, A. *Le Japon Intime*. Paris: Fernand Aubier, 1934.

REFERENCES

Escarra, J. (1933). *Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations*. In Ray J. *La Position, l'Oeuvre et la Politique du Japon en Mandchourie*. Publications de la Conciliation Internationale. (In French).

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une Femme Grand Reporter, une Écriture de l'Événement 1927–1939*. L'Harmattan. (In French).

Lachin, M. (1934). *Japon 1934*. Gallimard. (In French).

Les Conséquences du Développement Économique du Japon pour l'Empire Français. (1936). C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Lévy, R. (1932). *A qui la Mandchourie?* A. Pedone. (In French).

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Armand Coline. (In French).

Lévy, R. (1935). *Relations de la Chine et du Japon*. C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Natalis. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (1999). *Konservativnaya revolyutsiya v Yaponii: ideologiya i politika* [Conservative Revolution in Japan: Ideology and Politics]. Vostochnaya literatura. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2019). *Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: "Manchzhurskiy intsident" i "duel yuristov"* [Japanese Colonial Policy as Seen from France: "Manchurian Incident" and "Jurists' Duel"]. *Ezhegodnik Yaponiya 2019*, 48, 228–249. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2020). *Gosudarstvo Man'chzhou-go glazami frantsuzskikh analitikov: ot "Man'chzhurskogo intsidenta" (1931) do "Kitayskogo intsidenta" (1937)* [State of Manchukuo as Seen by French Analysts: From "Manchurian Incident" (1931) to "China Incident" (1937)]. *Ural'skoe vostokovedeniye. Ezhegodnik 2020*, 10, 55–65. (In Russian).

Stimson, H. L. (1938). *Dal'nevostochnyy krizis. Vospominaniya i nablyudeniya* [The Far Eastern Crisis. Recollections and Observations]. Sotsekgiz. (In Russian).

Tullié, A. R. (1935). *La Mandchourie et le Conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Recueil Sirey. (In French).

Vèvre, E. de. (1932). *La reconnaissance de jure de la régence de Mandchourie et le traité des neuf puissances*. Arthur Rousseau. (In French).

Viollis, A. (1933a). *Changhai et le Destin de la Chine*. Corrêa. (In French).

Viollis, A. (1933b) . *Le Japon et son Empire*. Grasset. (In French).

Viollis, A. (1934). *Le Japon Intime*. Fernand Aubier. (In French).